

УДК 94(47).084.3

В. А. Бабинцев, Ю. М. Галкина

«ДЕКРЕТ О МИРЕ» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В ВОСПРИЯТИИ СОТРУДНИКОВ ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ В РОССИИ¹

В данной статье авторы рассматривают взгляды руководителей французской военной миссии на ключевые события российской истории 1917/18 года («Декрет о мире», заключение Брест-Литовского мира, возможности сотрудничества с властью Советов, отношение к национальному вопросу). Исследование основано на документах Исторической службы Министерства обороны Франции и архива МИД Франции и доказывает закономерность неспособности Третьей республики восстановить Восточный фронт против Центральных держав и наладить эффективное взаимодействие с новой российской властью, поскольку русско-французские отношения имели свой предел, очерченный негативным отношением к большевикам и своеобразием политической ситуации в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: французская военная миссия, Первая мировая война, Ниссель, Лаверьн, Брестский мир.

Глава французской миссии в России генерал Жанен, уезжая из России 26 октября (8 ноября) 1917 года, в день принятия «Декрета о мире», отметил в своем дневнике: «Россия нам больше не союзник» [1, р. 242]. Период между Революцией и заключением мира в Бресте был, своего рода, «моментом истины» для русско-французских отношений. В странах Антанты события Октября 1917 года были восприняты негативно, вместе с тем доминировала уверенность в том, что большевики обязаны своей победой лишь случайному стечению обстоятельств и в обозримом будущем лишатся власти [см.: 2, с. 21–22]. Документы французской военной миссии многократно подтверждают это. Генерал Ниссель², один из руководителей миссии, в начале февраля 1918 года обращал внимание

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ (договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.)

² Генерал Ниссель являлся главой французской военной миссии с августа 1917 года по май 1918 года.

на то, что «Большевики – это интернационалисты, идеалисты и фанатики, с которыми мы не можем найти согласия <...> мы можем оказывать им поддержку в предвидении возобновления военных действий только с величайшей осторожностью» [3, р. 1]. Генерал Лавернь³ акцентировал внимание французского руководства на том, что «Власть поддерживается только террором и слабостью противников» [4, р. 1], а посол Нуланс в апреле 1918 года телеграфировал в МИД мнение французского представительства в Москве: «У большевиков безнадежная ситуация. Их режиму осталось 3 недели, максимум месяц жизни» [5, р. 86].

Несмотря на то, что, по свидетельству Троцкого, связей с французским посольством после Октября установлено не было [см.: 6, л. 2], признаки взаимодействия между военными представителями Франции и Советской Россией все же имелись. В частности, в распоряжение народного комиссара по военным делам регулярно поступали сводки о расположении германских частей [см.: 7], в середине октября 1917 года в Россию отправились французские картографы [см.: 8, р. 16], продолжала работу военно-техническая миссия [см.: 9, л. 437–437 а], и т. д.

Представляется сомнительным, что именно Брест-Литовский мир как естественное продолжение «Декрета о мире» стал «точкой невозврата» для отношений России и стран согласия. По мнению исследователя С. С. Поповой, еще до падения Временного правительства сотрудники 2-го бюро Генштаба Франции целенаправленно искали доказательства связи большевиков с немцами, стремясь уличить первых в предательстве интересов союзников, зачастую не брезгуя фальсификациями [см.: 10].

Политические круги Антанты, обеспокоенные тем, что Брестский мир облегчал положение Германии на Востоке и высвобождал военные контингенты для переброски их на Западный фронт, стремились срочно вмешаться в ситуацию, вернуть Россию в старое русло. В исследованиях отмечается точка зрения профессора академии Генштаба В. Ф. Новицкого о том, что значение высвобож-

³ Генерал Лавернь являлся главой французской военной миссии с мая 1918 года по октябрь 1918 года.

денных с русского фронта войск сильно преувеличено и коренным образом не меняло ситуацию на Западе; более того, переброска началась задолго до Бреста, когда обнаружались первые признаки разложения армии [см.: 2, с. 87–88]. Однако труд Новицкого вышел в 1922 году и представлял собой анализ ситуации постфактум. В условиях проблем с поддержанием дисциплины во французской армии, а также «весеннего наступления» любое потенциальное усиление немцев вызывало серьезную тревогу.

Одним из путей разрешения сложившейся ситуации, по мнению союзников, была «быстрая и решительная» интервенция с участием Японии. Несмотря на то, что проект интервенции был воспринят французскими военными благосклонно (и они настаивали на его скорейшей реализации), отношение к большевизму не было определяющим их *mode d'emploi*. Генерал Ниссель после заключения Брестского мира сделался непримиримым по отношению к советскому правительству и считал интервенцию единственно верным решением: «...сами по себе отрицающие идею Отечества, имя которого они не желают произносить, измучив население своими насилиями и беспорядком и основывая свою программу на отказе сражаться, они неспособны сплотить защитников против кого бы то ни было, пытающегося принести порядок в Россию» [11]. Более того, он полагал, что союзная интервенция в Сибири встретит горячую поддержку местного населения, «а если союзники позаботятся заявить о своем намерении уважать целостность русской территории, то он [русский народ] будет рассматривать их не как враждебных завоевателей, а как реставраторов порядка» [Там же]. Генерал Лавернь, несмотря на большую сдержанность в оценке влияния большевиков, старался подчеркнуть шаткость их положения, приводя статистические данные о том, что поддержка большевиков в Москве не столь разительно превосходит симпатии населения к анархистам, монархистам или эсерам. Во всяком случае, Лавернь полагает и то, что удаление большевиков из политического поля не гарантирует мгновенного обретения контроля над ситуацией: «...только правые эсеры типа Савинкова видят интерес России в продолжении войны, в согласии с союзниками» [4, р. 3].

Несмотря на то, что Лавернь стремился более трезво взглянуть на ситуацию, переоценивать его желание сотрудничать с большевиками не стоит: как человек, верный служебному долгу, он следовал в русле тех внешнеполитических ориентиров, что задавал Клемансо, и, несмотря на стремление объективно и с пониманием отнестись к ситуации в России, был обвинен Дзержинским в шпионаже и борьбе против Советской Республики [см.: 12, л. 1]. Вероятно, «компромиссный настрой» Лаверня был продиктован опытом работы в России: сотрудники военной миссии, в течение военных лет действовавшие в рамках коалиционной стратегии, являвшиеся связующим звеном между генеральными штабами двух стран, были больше склонны к поиску взаимоприемлемого решения проблемы, хотя бы ввиду некоторой инерции межсоюзнического взаимодействия, в отличие от сотрудников дипломатического корпуса, которые руководствовались, скорее, политическими и идеологическими императивами.

Проблема восстановления Восточного фронта, стремление решить ее «малой кровью» вызвали к жизни ряд инициатив. Одной из них стал проект организации Красной армии с привлечением помощи военных специалистов Франции. В число этих специалистов должны были входить в том числе сотрудники французской военной миссии [см.: 4, р. 6]. 21 марта 1918 года консул Гренар телеграфировал в МИД о том, что Троцкий официально запросил содействия Франции с целью реорганизации русской армии и что генерал Лавернь эту просьбу «в сущности, принял» [13]. В коммюнике Нисселя было уточнено, что речь шла о привлечении 35 офицеров [см.: 14, р. 32]. Лавернь понял эту ситуацию так: если большевистское правительство хочет создать армию, то можно ли из этого вывести, что оно решило воевать [с Германией]? [см.: 4, р. 3]. С ним был категорически не согласен офицер разведки капитан Пьер Лоран, направленный Военным министерством в начале 1917 года в Россию для организации разведслужбы, полагавший, что большевикам армия нужна только для борьбы с внутренним врагом [см.: 15, р. 53].

К лету 1918 года Лавернь окончательно актуализирует идею интервенции – для него она является прежде всего военной, и уже

во вторую очередь политической или идеологической необходимостью: «Германия опирается на военную силу, и поэтому ее требованиям уступают»; «Запросы союзников без конца сталкиваются с проволочками». Тот факт, что революция совершалась против идеи войны вообще, что страна находится в состоянии хаоса, не оставляет шанса на успешную попытку какой-либо из политически активных сторон создать хорошо организованную вооруженную силу для сопротивления Германии, но зато показывает положение большевиков как шаткое [см.: 4]. Это демонстрировало существенные сложности в деле реорганизации русских частей, интервенция становилась привлекательной акцией в глазах сотрудников французской военной миссии.

Проект реорганизации русской армии был заблокирован прежде всего самим французским руководством, которое отнеслось к нему весьма настороженно в силу того, что «большевики будут использовать военную силу для распространения революции, в том числе и в Европе», а также, возможно, нанесут вред японской интервенции [см.: 16, р. 57].

Представляется вероятным, что организация частей Красной армии при участии французов была обречена на провал – политический истеблишмент Франции и лично Жорж Клемансо, известный своим непримиримым отношением к большевикам, ориентировали Третью республику и весь дипломатический аппарат на территории молодой Советской Республики на поддержку идеи интервенции и разыгрывание национальной карты. Вопрос о положении национальностей в целом стоял на повестке дня во Французском государстве и активно продвигался депутатом от радикал-социалистов, создателем «Бюро национальностей» (1918) Франклином Буйоном, который полагал, что союзная интервенция не восстановит прежней России, но окажет существенную поддержку национальностям [см.: 17, р. 267], которые мыслились французским руководством в рамках теории «четырех столпов» (Польша, Румыния, Югославия, Чехословакия) как заслон против немцев после краха Восточного фронта [см.: 17, р. 261–262]. Особенно ярко национальный дискурс проявился в рапортах Нисселя – по всей видимости, он был чрезвычайно уязвлен отношением к национальным контин-

гентам и регулярно ставил это «плохое отношение» в вину большевикам. В связи с этим обращает на себя внимание составленная генералом Нисселем «Программа французского влияния» в России, согласно которой военная и политическая пропаганда Франции была обращена, в первую очередь, к полякам, украинцам, чехам, сербам и др. Целью этой программы стало создание боеспособных национальных частей, оснащение их необходимыми вооружениями и продовольствием, а также поддержание их боевого духа и национальной сплоченности [18].

После подписания Брестского мирного договора большая часть французской военной миссии покинула Россию, включая генерала Нисселя [см.: 19, с. 41], однако в России оставался Лавернь, в полном составе работал отдел пропаганды под руководством Швейи, французские представители находились при национальных частях, продолжил работу консульский аппарат. Разумеется, этот персонал уже был далек от поиска *modus vivendi* с большевиками – он являлся проводником антибольшевистской политики, вел разведку и занимался подготовкой интервенции.

-
1. *Janin M.* En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris, 2015.
 2. *Быстрова Н. Е.* «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М., 2016.
 3. *Rapport № 10 du Général Niessel du 2 Fevrier 1918 (resume) // Service historique de la Défense, Terre (SHD/T) 6 N 224.*
 4. *Le Général Lavergne, Chef de la Mission militaire française en Russie à Monsieur le President du Conseil, Ministre de la Guerre (29 mars 1918) // SHD/T 7 N 761.*
 5. *Telegramme de Noulens (Vologda, 14 avril 1918) // AMAE, SG. Dossier 670.*
 6. *Ответ Л. Д. Троцкого на почтотелеграмму Начштабу Петроградского военного округа (декабрь 1917 г.) // РГВА. Ф. 1 (Управление делами Народного комиссариата по военным делам). Оп. 1. Д. 34.*
 7. *РГВА. Ф. 3 (Фонд Высшего военного совета). Оп. 1. Д. 96. Л. 51–56, 63–64, 66, 70–71, 99–100.*
 8. *Le Sous-Secretaire d'Etat de la Guerre à Monsieur le Ministre des Affaires Etrangeres (15 octobre 1917) // Ministère des Affaires Étrangères.*

Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (АМАЕ), Serie Guerre 1914–1918 (SG), Russie. Dossier 758.

9. *Список* членов французской военно-технической миссии, командированных в ГАУ по распоряжению французского правительства // РГВА. Ф. 20 (Фонд Главного артиллерийского управления). Оп. 2. Д. 19.

10. *Попова С. С.* Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010.

11. *Note sur l'intervention japonaise* (16 mai 1918) // SHD/T 6 N 224.

12. *Переписка* Дзержинского с адвокатом Судебной палаты в Париже Флаком о деятельности капитана Садуля и французской военной миссии в Москве // РГАСПИ. Ф. 76 (Дзержинский Феликс Эдмундович – 1877–1926). Оп. 3. Д. 341.

13. *Telegramme* de Grenard (21 mars 1918) // АМАЕ, SG. Dossier 760.

14. *Telegramme* chiffre, Attaché militaire à Guerre (Moscou, 24 mars 1918) // АМАЕ, SG. Dossier 760.

15. *Situation* en Russie. Visite de M. le Capitaine Pierre Laurent (31 mars 1918) // АМАЕ, SG. Dossier 760.

16. *Telegramme* de S. Pichon // АМАЕ, SG. Dossier 760.

17. *Soutou G.-H.* La grande illusion. Quand la France perdait la paix 1914–1920. Paris, 2015.

18. *Programme* d'influence française en Russie // SHD/T 6 N 224.

19. *Павлов А. Ю.* Французские военные миссии в России в период Первой мировой войны // Великая война 1914–1918. М., 2013. Вып. 3. С. 33–41.